

УДК 902.01

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2025.4.293.308>

ГОЛОВНЫЕ УБОРЫ В ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ ПОГРЕБЕНИЯХ ЭРЗИ И МОКШИ

©2025 г. Н.М. Малкова

В статье представлен анализ головных уборов мордвы из погребений XVII – начала XIX вв. на территории Среднего Поволжья. Рассмотрены варианты сочетания головного убора с другими украшениями костюма. Проиллюстрирована разница женских и девичьих уборов. Проанализированы конструкции женских уборов мокши и эрзи. Рассмотрено строение деревянного накосника «пулокер», история существования которого насчитывает более тысячи лет. Накосник исследован в женских погребениях мордвы-мокши. Проведена его классификация, выделены два типа накосника по форме – конусовидная и с расширяющимися концами. На материалах Коноваловского могильника изучена конструкция эрзянского убора. Рассмотрены принципы орнаментации, выделены варианты вышивки. Проанализировано соотношение орнамента вышивки и нашивных украшений. Рассмотрены нашивные украшения головных уборов – пластинки, бусы, стеклярус, пуговицы-подвески и др.

Ключевые слова: археология, Среднее Поволжье, позднее средневековье, погребения, головной убор, мордва, эрзя, мокша, накосник, пулокер

HEADRESSES IN LATE MEDIEVAL BURIALS OF THE ERZYA AND MOKSHA

N.M. Malkova

The article present an analysis of Mordovian headdresses in burials of the XVII – early XIX centuries in the Middle Volga region. Options for combining the headdress with other costume ornaments are examined. The difference between women's and girls' headdresses is illustrated. The designs of Moksha and Erzya female headdresses are analyzed. The construction of the wooden hair ornament "puloker" (пулокер), whose history spans over a thousand years, is explored. The headdress puloker were studied in the Moksha female burials. Its classification is provided, two types of headdress are distinguished by shape – conical and flared-end. Based on the materials of the Konovalovka burial ground, the design of the Erzya headdress was studied. The principles of ornamentation are reviewed, and embroidery variants are distinguished. The ratio of embroidery ornament and decorations is analyzed. Sewn-on decorations of headdresses are considered – plates, beads, bugle beads, pendant buttons, etc.

Keywords: archaeology, Middle Volga region, Late Middle Ages, burials, headdress, Mordovians, Erzya, moksha, hair ornament, puloker

Головной убор – важная часть женского костюма мордвы в различные исторические периоды не только по функциональным причинам. В мифологии финно-угорских народов женские волосы наделены особыми свойствами. При описании мордовских богинь уделялось внимание их длинным волосам (Мокшин, 1998, с. 46–47, 57, 62). В создании образа идеальной героини важную роль играли длина, качество и состояние волос. «Одним из признаков красоты мордовской девушки была толстая коса, которую сравнивали с длинным топорищем, кнутом пастуха или ногайца» (Козлова, 2013, с. 31).

Считалось, что волосы хранят информацию о здоровье и репродуктивных возможностях женщины. Через непокрытые воло-

сы можно было воздействовать на женщину, вылечить или навести злой наговор и порчу (Мокшин, 1998, с. 108, 112). Множество поверий, обычаев у мордвы связано со стрижкой волос (Корнишина, 2001, с. 80-89). Существовали особые свадебные (Мельников, 1981, с. 118; Козлова, 2013, с. 32) и родильные (Корнишина, 2007, с. 55) традиции, связанные с волосами. Закрывание волос символизировало подневольное положение замужней женщины. По этнографическим данным в конце XIX в. мордовки Самарской губернии не показывали свои волосы «старшим мужчинам в семействе и крестному отцу ее мужа» (Каминский, л. 61). Сорвать платок, показать волосы считалось оскорблением для женщины.

Цель работы – охарактеризовать головные уборы мордвы как элемент костюма, социальный и этно-территориальный маркер, отражающий определённый исторический период развития позднесредневековой культуры.

Задачи исследования:

проанализировать традиции сочетания головных уборов с другими элементами костюма,

отразить этно-территориальные особенности уборов эрзи и мокши,

раскрыть конструктивные принципы создания уборов, выделив приемы их изготовления,

отобразить разнообразие орнаментов и украшений уборов, демонстрируя богатство декоративных элементов, отражающих традиции и эстетические предпочтения.

При подготовке данной статьи рассмотрены головные уборы из могильников, датированных монетами *XVI-XVII вв.*¹, *XVII-XVIII вв.*², *XVIII в.*³ и *XVIII – нач. XIX вв.*⁴. Кроме того, привлечены уборы из погребений, точная датировка которых не определена в связи с отсутствием находок монет⁵.

Большинство изученных к настоящему времени погребальных комплексов мордвы рассматриваемого периода содержали захоронения с уборами. В качестве материала для исследования использованы данные 586 погребений. Из них 238 принадлежали женщинам, 131 – мужчинам, 125 – детям. Пол остальных 92 погребённых определить не удалось.

В работе представлены материалы 180 погребений, содержащих головные уборы, что составляет 30,7% от общего количества. В том числе: «168 – женских (70,6% от общего количества женских), 3 детских (2,4 % от общего количества детских) и 9 – мужских (6,9% от общего количества мужских)» (Малкова, 2000, с. 95–96).

В статье в основном рассмотрены женские и девичьи уборы, поскольку мужские представлены в незначительном для анализа количестве. Из мужских уборов сохранились только остатки трех шапок из черного сукна (могильник Лобаски, курган 2) или войлока (Беловодский могильник, погребение 2).

Сочетание головного убора с другими элементами костюма

Рассмотрим традиции сочетания головного убора с украшениями костюма. Чаще всего в составе костюма вместе с убором фикси-

ровали *сюлгаму*. Аналогичный набор имели более трети (32,4%) всех рассмотренных женских погребений, а также 2,2% детских и 6,8% неопределённых (скорее тоже детские). Мужских захоронений с таким набором не найдено. Сочетание убора с *сюлгамой* наиболее характерно для женского костюма Сарлейского (91,7%) XVII – середины XVIII вв. и Бутского могильников (80%). В Ачадовском могильнике это сочетание встречено в 60% женских захоронений, в Вертелимском – 42%, в Кельгининском – 38,6%, в Коноваловском – 38%, в Рыбкинском – 21,7% (Малкова, 2000, с. 102–103). Сюлгма была самым распространенным украшением мордвы. Она имела важное функциональное назначение – застегивала глубокий вырез традиционной рубахи. Кроме того, ее использовали как основу для подвешивания дополнительных украшений, в том числе шумяще-гремящих.

Головной убор в сочетании с *пряжкой* найден в 4,6% всех исследованных захоронений – 12,5% женских и 1,8% мужских. Детские и неопределённые погребения с таким набором не обнаружены. Пряжка была остатком набедренного украшения, скреплявшего на поясе несшиты части. Чаще всего в уборе и с поясной пряжкой захоронены женщины в могильнике у с. Коноваловка (19%). В остальных могильниках процент захороненных в уборе в сочетании с пряжкой незначителен.

Головной убор с *сюлгамой и остатками обуви* встречен всего в 1,4% захоронений: женских 2,3%, мужских – 1,8%, неопределённых – 1,1%. Такие погребения датируются XVI – серединой XVIII вв. Более всего таких захоронений встречено в Ачадовском могильнике (28,6 %) (Малкова, 2000, с. 103).

Головной убор вместе с *сюлгамой и пряжкой* встречен только у 1,1% погребённых: женских – 2,3%, такой же процент неопределённых, возможно детских.

Только 1% погребённых облачен в полный костюм – вместе с убором присутствовали *сюлгма, пряжка, остатки поясного либо набедренного украшения и обуви*. Такие погребения найдены в Кельгининском, Больше-Макателемском, Дигилевском и Атяшевском могильниках XVII–XVIII вв. (Малкова, 2000, с. 102).

Итак, захоронение женщин в головных уборах было устойчивой традицией в пери-

од позднего средневековья. Наиболее часто в costume мордвы головной убор сочетался с сьюлгамой. Реже всего встречены полные наборы костюма, сочетание убора с обувью, с сьюлгамой и пряжкой. В традициях XVI – середины XVIII вв. превалирует сочетание убора с сьюлгамой, обувью, XVIII – начала XIX вв. – с пряжкой.

Женские и девичьи головные уборы

Женские головные уборы мордвы, в отличие от мужских, отличались большим разнообразием. Рассмотрим отдельно девичьи и женские уборы, учитывая принципиально разный подход к форме их конструкций.

По материалам раскопок зафиксировано два типа *девичьих уборов*: налобная повязка и «накосник». В погребении 16 Коноваловского могильника налобная повязка на девочке 5-6 лет представляла собой прямоугольный фрагмент холста размером 15×4 см. Убор был соткан из красно-коричневых⁶ шерстяных ниток. Повязка украшена тремя рядами круглых пластинок из латуни, их диаметр 0,5 см (рис. 1: 1). В области висков пришит бисер и подвески (рис. 1: 2). В этом же захоронении найден накосник в виде цепочки из металла. Он был украшен гроздьями желтого, прозрачного, гранатового и черного бисера, бусинами, бубенчиками и пуговицей-подвеской (рис. 1: 5, 6). Общая длина украшения составляет 13 см.

Накосник из могильника Торжок (погребение 1) был на тканой основе, украшен жетонами, раковинами-каури и бисером. Накосник в могильнике у с. Корино (курган 15) вплетен шерстяными нитками в косу, украшен большим количеством медных пронизок, жетонов и бус. Нижняя часть накосника из Нароватовского могильника (погребение 1) представляла собой прямоугольный фрагмент войлока. Он был расшит жетонами, шерстяными кистями и подвесками из бус. Накосник на девочке 4-5 лет из Кельгинино (погребение 396) сохранился в виде трех шерстяных кисточек, обмотанных бронзовой проволокой; тесемок из веревочки с раковинами; фрагмента косички из шерстяной веревочки (Вихляев, 2001, с. 36). Рассмотренные образцы накосников крепились к головному венчику или непосредственно к косе.

Женский убор отличался от девичьего своей закрытостью. Так, шерстяная шапочка из Сарлейского и Коринского могильников

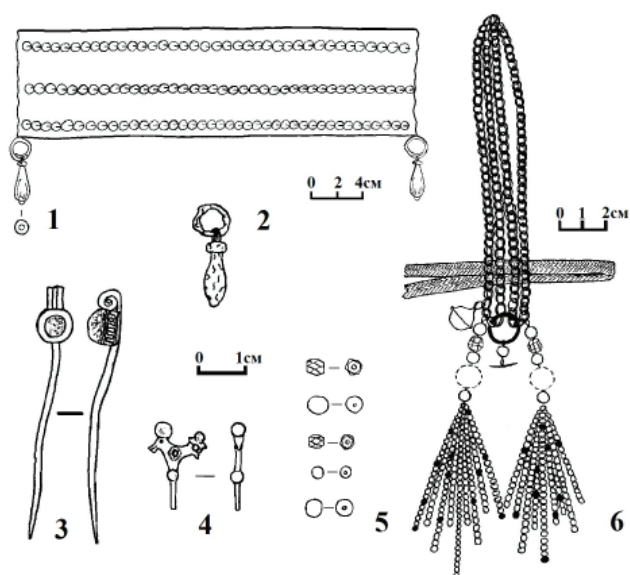

Рис. 1. Коноваловский могильник, погребение 16:

1, 2 – девичий головной убор и подвеска к нему;
3, 4 – булавка для скрепления частей головной убора;
5, 6 – подвеска к головному убору и прорисовка бус

Fig. 1. Konovalovka burial ground, burial 16:

1, 2 – girl headdress and its pendant; 3, 4 – pin for fastening components of the headdress; 5, 6 – pendant for the headdress and bead drawing

полностью закрывала волосы, доходя впереди до середины лба. Она плотными рядами была расшита раковинами каури, бусами и серебряными копейками. Этот тип убора сравним с терюханским «венцом» из «тканей узорной полосы, лежавшей на темени и украшенной несколькими рядами раковин» (Горюнова, 1948а, с. 32). Убор из погребения 7 Сарлейского могильника украшали «170 раковин каури и 15 голубых стеклянных бус» (Горюнова, 1948, с. 29). Шапочки также украшались шерстяными кисточками, зелеными стеклянными и «фарфоровыми» бусами, бисером, жетонами. В трех из 14 случаев убор сзади скреплен бронзовой булавкой» (рис. 1: 3,4).

Выделено два типа навершия булавок для крепления убора. Первый тип (3 экз.) – бронзовая проволока с завернутым в спираль верхним концом и приостренным – нижним. К верхнему концу припаяна круглая оправа с голубой бусиной (рис. 1: 3). Такие булавки обнаружены на левобережье Мокши и между речью Теши и Пьяны. Единственный экземпляр булавки второго типа найден в Тоторшево. Она имела навершие в виде петушка, была изготовлена из серебра (Малкова, 2000, с. 111) (рис. 1: 4).

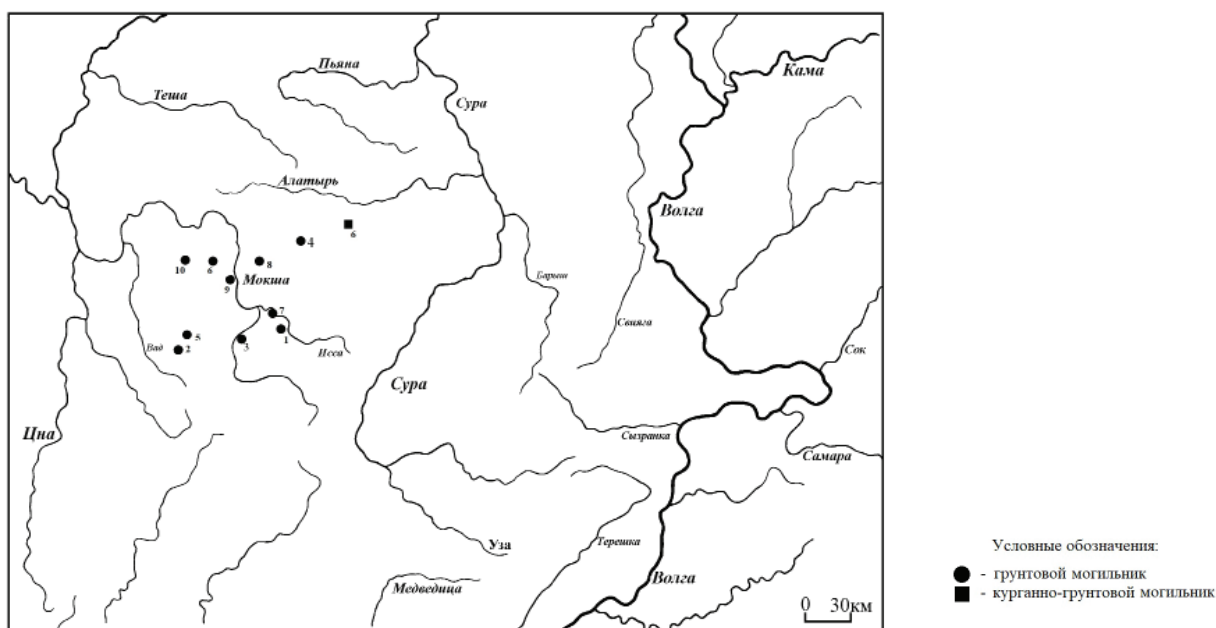

Рис. 2. Карта месторасположения позднесредневековых могильников мордвы с находками накосника пулокерь

Условные обозначения: ● – грунтовой могильник, ■ – курганный могильник

Fig. 2. Map of the location of the Mordovian late medieval burial grounds with the finds of the hair ornament puloker

Legend: ● – ground burial ground, ■ – barrow field

Женские уборы украшали раковинами-каури и бусами (Нароватово, погребение 5), монетами и бусами (Кельгинино, погребение 229); раковинами-каури, стеклянными пуговицами и жетонами (Старо-Яблонский могильник); монетами и жетонами (Ачадово, погребение 37; Сучкино 2, погребение 2).

Итак, женские головные уборы мордвы более сложны по конструкции, чем девичьи, богаче украшались, маркируя таким образом социальный статус и положение. Исследованы два вида девичьих уборов – налобная повязка и накосник. Конструкция, составные части и украшения женских уборов имеют этно-территориальные особенности.

Мокшанские накосники «пулокерь»

В погребениях мордвы-мокши исследован оригинальный тип накосника, не бытовавший у других народов. Накосник «пулокерь» отличался сложной конструкцией: футляр из древесины, обвитый бронзовой провололочкой, полоской кожи, либо тем и другим.

Его прототип зафиксирован в погребениях мокши в среднем течении р. Цны. Самые ранние захоронения датируются началом VIII в. (Воронина, 1991) и даже второй половиной VII в. (Зеленцова, 1998). Его бытование продолжилось в эпоху Золотой Орды и в позднем средневековье. Со временем убор модифицировался, несколько менялась форма,

появлялись новые элементы. Однако материалы, основные принципы его конструкции и технология изготовления оставались неизменными (Малкова, 1999, с. 216–233).

Для исследования накосника «пулокерь» привлечены материалы 12 могильников⁷, составлена карта их месторасположения (приложение 1, рис. 2).

Отметим, что в археологической литературе, в полевых отчетах существует многообразие в его наименовании: «пулакерь» (Циркин, 1965), «катушка» (Акимов, 1951), «игольник» (Вихляев, 1985; Акимов, 1992), «косник-коса», «косник» (Полесских, 1958).

«Пулокерь» – достаточно сложный головной убор, нельзя сказать, что он просто одевался, скорее он собирался на женских волосах следующим образом. Волосы распределяли вокруг деревянного или железного стержня. Иногда для пышности к ним добавляли шерсть или шерстяные нити, или то и другое вместе. Интересно, что в погребениях 281, 285, 300, 306 и др. Кельгининского могильника шерстяные нитки были сплетены в косички (рис. 3: 1,3; 14: 1-2). В ряде случаев внутри «пулокеря» обнаружены только шерсть или шерстяные нити, волосы или коса отсутствовали.

Далее, к концу стержня шерстяным шнуром привязывали пучок черных шерстяных ниток или овечьей шерсти. Благодаря образовав-

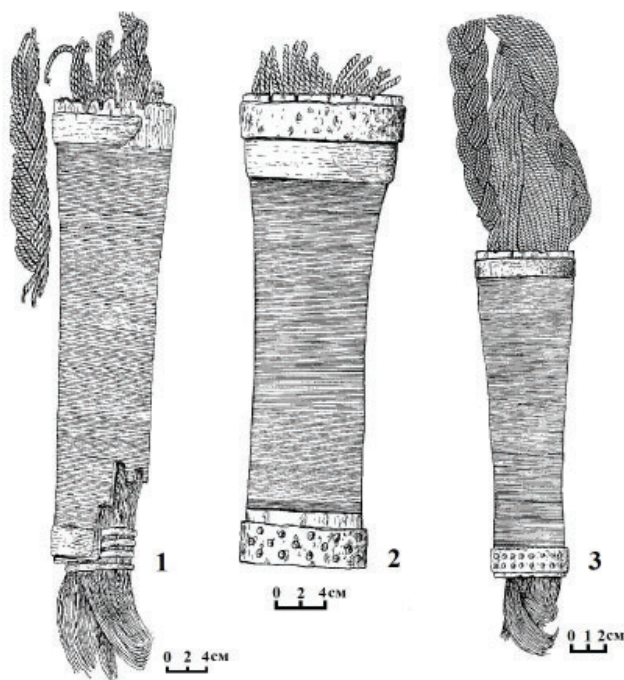

Рис. 3. Накосники пулокерь из Кельгининского могильника: 1 – погребение 281, 2 – погребение 283, 3 – погребение 285

Fig. 3. Hair ornament pulker from the Kelginino burial ground: 1 – burial 281, 2 – burial 283, 3 – burial 285

16) и в Рыбкинском могильниках (рис. 4: 5). Накосники без стержня встречены в Мордовско-Паркинском могильнике (погребение 106), шесть экземпляров в Ачадовском и еще несколько в Рыбкинском. Концы пулокера без стержня крепились кожаными ремешками, как в погребениях 4,16 и 38 Ачадовского или «железными обручами», как в погребениях 11 и 15 того же могильника. Подобные варианты исследованы и в Кельгининском могильнике, в погребениях 281, 285 и др. (рис. 3: 1, 3)

Тип II. Футляр с обоими расширяющимися концами (рис. 4: 1,6) имел большее распространение, чем конусовидный. Основой его конструкции служил стержень – круглая в сечении палочка из дерева (рис. 5: 2). В коллекции Дигилевского и Ново-Пырменского могильников имеются и железные стержни (рис. 4: 3,4). Ко второму типу отно-

шемуся узлу, своего рода пробке, футляр не спадал со стержня. Затем вся конструкция помещалась в деревянный футляр из двух половинок. «Длина футляра соответствовала длине стержня и составляла 18-20 см, диаметр (в среднем) по краям – 5-6 см, а в центре – 3,5-4,5 см. Средняя толщина стенок футляра в центре – 0,5 см, на концах – 1,5 см. Расширяющиеся концы футляра крепили железной или кожаной полоской, зигзагообразно оббитой железными гвоздиками. В завершении корпус пулокера плотно обматывали тонкой бронзовой проволокой» (Малкова, 2000, с. 110).

По форме футляра можно выделить два типа накосника «пулокерь».

Тип I. Расширяющийся к одному из концов (конусовидный) футляр (рис. 4: 2,5). Встречено два варианта этого типа: со стержнем внутри и без него. Накосники со стержнем найдены в Мордовско-Паркинском (погребение

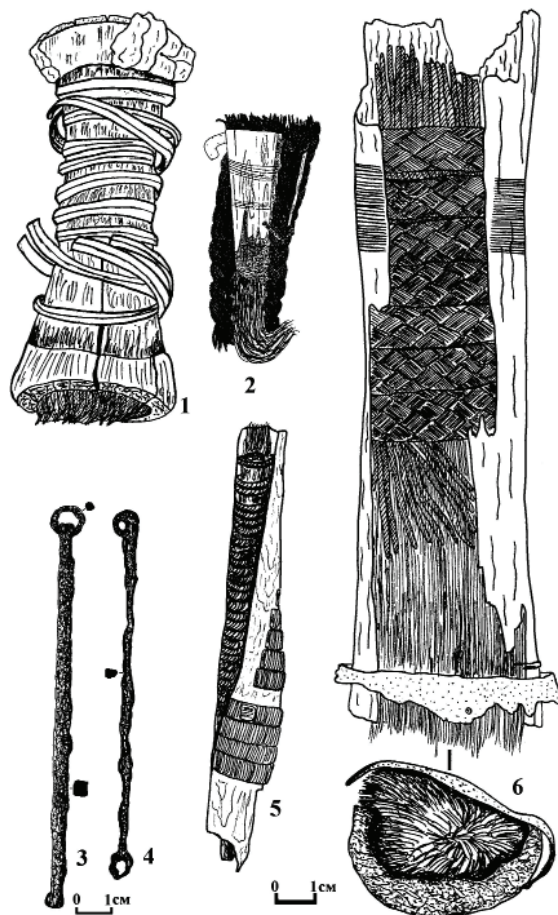

Рис.4. Накосники пулокерь: 1 – Паевский могильник, погребение 17, 2 – Кельгининский могильник, 5 – Рыбковский, 6 – Вертилимский. Стержни к накосникам: 3 – Ново-Пырменский могильник, 4 – Дигилевский

Fig.4. Hair ornament pulker: 1 – Paevsky burial ground, burial 17, 2 – Kelginino burial ground, 5 – Rybkinsky, 6 – Vertilim. Rods for hair decoration: 3 – Novo-Pyrmensky burial ground, 4 – Digilevsky burial ground

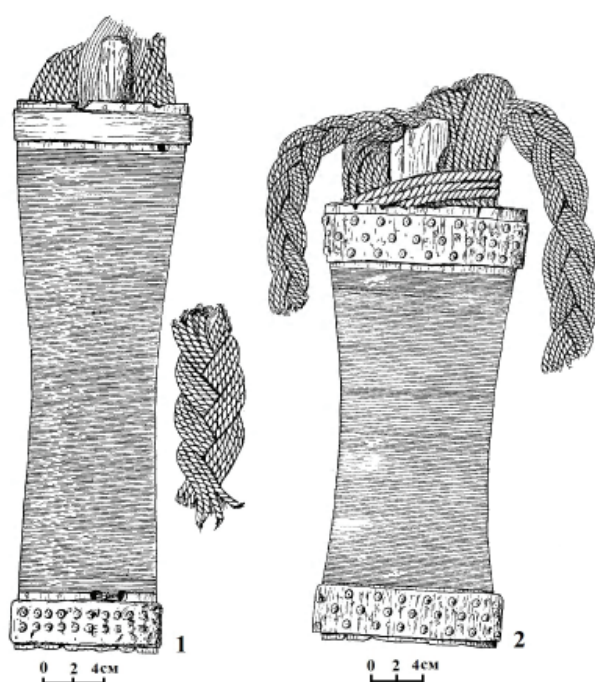

Рис. 5. Накосники пулокерь из Кельгининского могильника: 1 – погребение 300, 2 – погребение 306
Fig. 5. Hair ornament puloker from the Kelginino burial ground: 1 – burial 300, 2 – burial 306

сятся также «пулокери» из Рыбкинского, Вертелимского (рис. 4: 6), Кельгининского (рис. 3: 2; 5: 1-2) Адашевского (погребение 1), Привольевского, Паевского, Старо-Яблонского и Сучкинского 2 могильников (Малкова, 1999, с. 224-225). Футляры накосников из двух упомянутых последними могильников были изготовлены из липы (Арзютов, 1932, с. 37).

«Пулокерь» в конце XVII в. был заимствован эрзей у мокши. Подобный вывод позволяют сделать экземпляры из погребений эрзи (Малкова, 2000, с. 111). Так, накосник без футляра обнаружен в погребении Ардатовского могильника, датированного монетой 1731 года (Степанов, 1956, с. 107). Он представлял собой железный стержень с колечками на концах, обмотанный тесьмой и нитками из шерсти. Здесь же зафиксированы остатки толстых крученых шерстяных ниток, лежавших слоями.

Подъемный материал курганно-грунтового могильника XVII в. эрзи у с. Лобаски также содержал несколько экземпляров пулокерей типа II. Внутри они набиты толстыми шерстяными нитками, дополнившими естественный объем волос. Интересно, что в нескольких

погребениях Коринского могильника найдено большое количество грубой черной пряжи без футляра. Она лежала вдоль левого или правого плеча. В одном случае, при лучшей сохранности шерсти заметно, что пряжа заплетена в толстую косу. Сюда также вплетались и концы двух женских кос (Горюнова, 1948, с. 65–66). Традиция вплетения в косу овечьей шерсти, конских волос, а также шерстяных ниток сохранилась и в более позднее время (Паллас, 1773, с. 82).

Займствование также подтверждает существование в языке эрзи, как и мокши, сложносоставного слова «пулокерь», означающего «головной убор эрзянки». Оно, аналогично мокшанскому, состоит из двух самостоятельных слов: *пуло*, -т - 1. хвост; 2. коса; 3. ручка; 4. часть мотка пряжи; *керь*, -ть - лубок, кора.

Отметим, что «пулокерь» встречен только в погребениях взрослых женщин. Учитывая особую сложность его использования и смысловое значение, предположим, что данный головной убор использовался только для погребальной церемонии.

В конце XVIII в. «пулокерь» модифицировался в пуло – «хвост» в головном уборе замужних женщин. Так, в Шелехметском могильнике у мокшанок уже нет пулокерей. Их тканевые уборы расшиты большим количеством бус и бисера, украшены кистями из коричневых шерстяных ниток. Женский убор из погребения 1 имел мягкую основу, украшен голубыми и коричнево-золотистыми бусинами, бисером желтого, белого и черного цвета. К его задней части крепился «хвост», спускавшийся, как минимум, до середины спины. Украшение расшито бусами, бисером, бронзовыми пронизками, кисточками из шерсти.

Подобное украшение «пулоцьк» носила мокша Беднодемьяновского уезда Пензенской губернии (ныне – Zubovo-Polyanskiy rayon RM). «Пулоцьк» был частью праздничного головного убора «златной». «Пулоцьк» доходил до пояса, имел длину более метра, состоял из «двух рядов снизок кумбрат, скрепленных на шнуре и из длинной кисти шелковых ниток малинового, желтого и зеленого цвета. Сверху на полосу кумбрат накреплены цветные ленточки с прикрепленными к ним медными бубенчиками» (Спрыгина, 1925, с. 33-34). «Пулоцьк» крепился к головному убору сзади большой пуговицей. Подобный убор описан в

Рис. 6. Мордва-мокша. Рисунок из книги П.С. Палласа
Fig. 6. Mordovian moksha. Figure from the book by P.S. Pallas

1768 г. у жительниц с. Пилокшево на р. Пьяне. Он состоял из «высокой набитой и пестро вышитой шапки, у которой позади привешены малые цепочки, небольшая лопасть и болобочки» (рис. 6) (Паллас, 1773, с. 81).

Итак, мокшанский накосник «пулокерь» имел оригинальную конструкцию, не встречаемую у представителей других этносов. Использование нескольких материалов (дерево/кора, медь, кожа, шерсть/шерстяные нити), сложность технологии изготовления пулокеря, его громоздкость, отражают характерные черты костюма мордвы в рассматриваемый нами период. Накосник демонстрирует консервативность формы и материалов во времени. История его бытования насчитывает более тысячи лет. В конце XVIII в. «пулокерь» в уборе замужних женщин трансформировался в пуло – «хвост».

Головные уборы мордвы эрзи.

Вариант женского головного убора эрзи прослежен на материалах Коноваловского могильника. Благодаря обилию медных украшений, уборы хорошо сохранились. Шапочка на лубяной основе имела цилиндрическую форму, ее высота от 5–6 до 10–11 см. Луб был покрыт тканью, расшитой плотной ковровой вышивкой. К затылочной части убора крепилось пуло, закрывавшее волосы по всей длине. Оно было расшито геометрическим орнамен-

том красно-коричневыми, черными и зелеными нитками. Поверх ковровой вышивки нашиты бисер и круглые пластинки из латуни. К нижнему краю пуло пришита дощечка, обернутая красной тканью. На ткань нашиты две полосы бронзовой тесьмы.

Пуло из погребения 50 сохранилось в виде двух прямоугольных фрагментов (18×8 см и 12×108 см), вышитых шерстяными нитками и украшенных бисером и круглыми пластинками (рис. 3: 3,4). Фрагмент пуло из погребения 32 размером 18–10,5 см украшен геометрическим орнаментом. Нижняя его часть дополнена пластинками из латуни диаметром 2–3 см (рис. 5). В нижней части он был укреплен корой дерева, ее остатки зафиксированы на обратной стороне экземпляра. Пуло присутствует всего на трех из девяти экземпляров Коноваловской коллекции. Сохранность пуло обеспечили металлические украшения.

На коноваловских уборах применены следующие техники вышивки⁸:

- сплошное шитье, образованное ткаными стежками – основной шов;
- косые стежки, вышитые горизонтальными полосами;
- зигзагообразный шов;
- асимметричный косой крест.

В основе узора лежит ритм из чередующихся горизонтальных линий и геометриче-

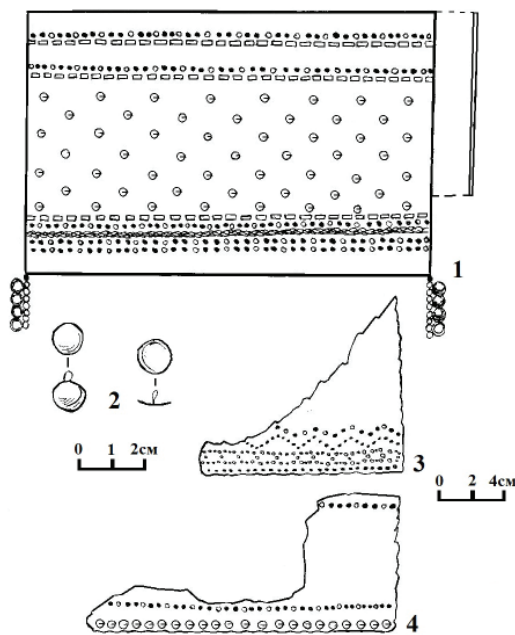

Рис. 7. Коноваловский могильник, погребение 50:
1 – головной убор; 2 – подвески к головному убору;
3, 4 – фрагменты пуло

Fig. 7. Konovalovka burial ground, burial 50:
1 – headdress; 2 – pendants for the headdress;
3, 4 – fragments of pulo

ских фигур. Чаще это ромбы, а также окружности, треугольники и квадраты (рис. 8, 10, 11, 13, 16). Несмотря на довольно ограниченный набор элементов, ни один из орнаментов вышивки не повторяется. Выделены закономерности в расположении элементов орнамента⁹: горизонтальное расположение на уборе, прямоугольная зона в центре очелья и обрамление ее полосами вышивки сверху и снизу.

Уборы из Коноваловки отличает красно-коричневый цвет вышивки. Линии и геометрические фигуры выполнены зелеными и черными нитками. Центральную зону обрамляют орнаментальные ленты, заполненные чередованием горошин, ромбов или зигзагообразных линий. Поверх вышивки нашиты цепочки, «бронзовая» тесьма, круглые латунные пластинки диаметром 0,5 см, стеклярус и бисер зеленого, черного, белого и красного цветов (рис. 7-16).

Бронзовая тесьма изготовлена промышленным способом. Встречено два вида тесьмы: лента шириной 1-2 см¹⁰ (рис. 14: 6; 8,9,15)

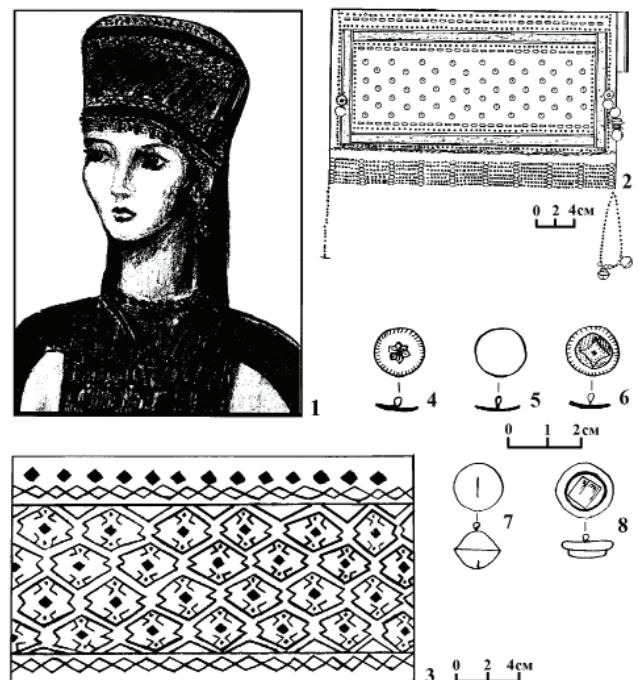
Рис. 8. Коноваловский могильник, погребение 32:
1 – реконструкция головного убора; 2 – головной убор;
3 – прорисовка орнамента вышивки головного убора;
4-8 – подвески к головному убору

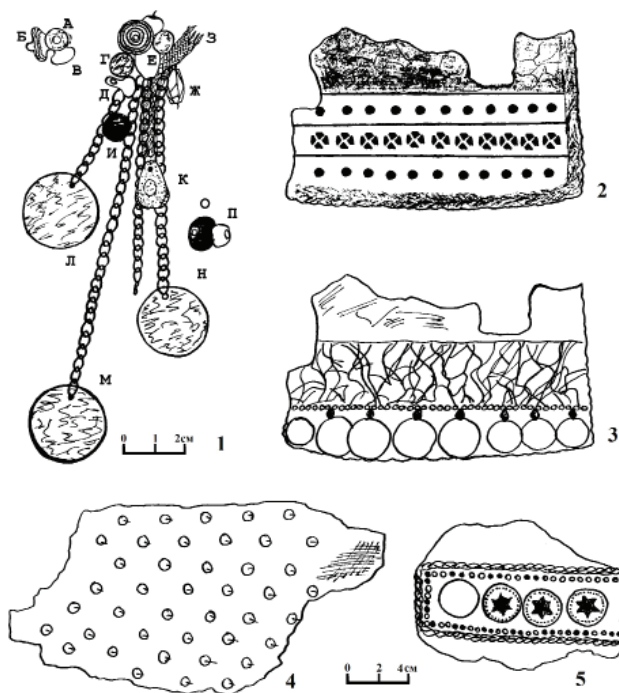
Fig. 8. Konovalovka burial ground, burial 32:
1 – reconstruction of the headdress; 2 – headdress;
3 – drawing of the embroidery ornament of the headdress;
4-8 – pendants for the headdress

и косичка из металлических нитей (рис. 11). Несколько экземпляров украшены бронзовой цепочкой, пришитой горизонтальными рядами в верхней (рис. 15), нижней части (рис. 8), либо и сверху и снизу (рис. 16). Убор из погребения 30 (рис. 14) украшен цепочкой по всему периметру очелья (Малкова, 2000а. Т. 1., с. 50). Цепочка и тесьма, как правило, выделяли центральную зону вышивки.

Уборы украшены большим количеством стекляруса и бисера черного, зеленого, белого и красного цветов. Бисер нашит горизонтальными рядами с внутренней и внешней стороны центральной орнаментальной зоны, окаймляя тесьму с двух сторон (рис. 7-9, 14, 15). Второй вариант – бисер нашит в несколько рядов на верхнем и нижнем краях убора, над и под центральной зоной. Цвета бисера разных сочетались между собой. Например, над бронзовой тесьмой (до окисления имела желтый цвет) – ряд зеленого бисера, над ним – черный с чередованием белого, выше – линия прозрачного стекляруса (рис. 13).

К нижней или средней части убора в области висков пришивали подвески: шаровидные полые, с петлей для подвешивания; литые или плоские на ножке; круглые плоские с прозрач-

ной стеклянной вставкой; из бус различной формы и цвета (рис. 7–10, 13, 14, 16).

Круглые пластинки из латуни были нашиты и в центральной части узора, располагаясь чаще всего в шахматном порядке (рис. 7–9, 13, 14, 16), плотными горизонтальными (рис. 1, 14) или вертикальными рядами (рис. 10). На уборе из погребения 25 использованы все три типа расположения пластинок (рис. 11).

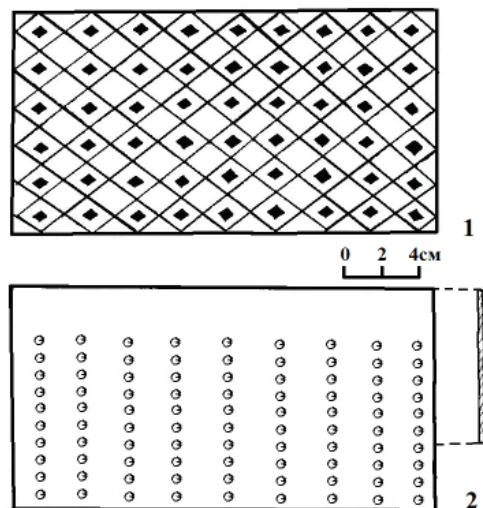

Рис. 10. Головной убор из погребения 61 Конаваловского могильника: 1 – прорисовка орнамента вышивки, 2 – прорисовка нашивных украшений

Fig. 10. A headdress from burial 61 of the Konovalovka burial ground: 1 – drawing of the embroidery ornament, 2 – drawing of sewn-on ornaments

Рис. 9. Конаваловский могильник, погребение 32: 1 – украшение головного убора, а, е, ж, и, о, п – бусы; г – глазок от сюлгамы; б, в, д – пуговица-подвеска; з – шерстяная веревочка; к – раковина каури; л, м, н – жетоны; 2 – прорисовка орнамента пуло; 3–5 – реконструкция нашивных украшений на пуло

Всю коллекцию уборов по композиции украшений можно разделить на две группы: выделяется центральная орнаментальная зона прямоугольной формы при помощи орнамента и нашивных украшений (погребения 9, 26, 30, 32, 50)

очелье заполнено ритмично расположенными нашивными украшениями без выделения центральной орнаментальной зоны (погребения 16, 25, 61, 78).

В расположении орнамента вышивки и нашивных украшений отмечается взаимозависимость. Бисер нашивался по горизонтальным линиям узора; пластинки – на ритмично повторяющиеся элементы орнамента (чаще всего ромбы). Эту особенность отмечают исследователи мордовской вышивки: «комплекс украшений включается в структуру в строгом соответствии с его композицией,

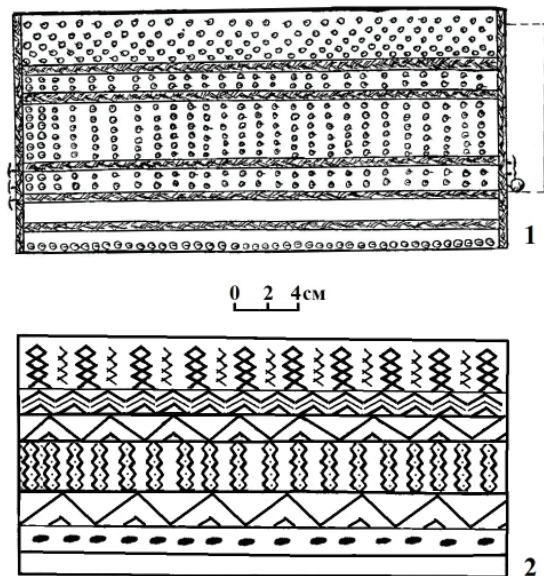

Рис. 11. Конаваловский могильник, погребение 25: 1 – фрагмент пуло; 2,3 – подвески к головному убору

Fig. 11. Konovalovka burial ground, burial 25:

1 – fragment of pulo; 2,3 – pendants for the headdress

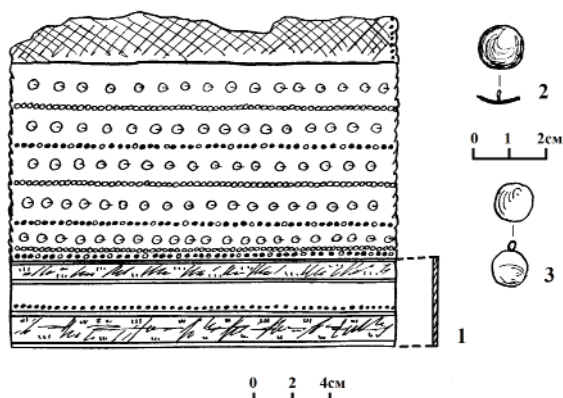

Рис. 12. Конаваловский могильник, головной убор из погребения 25: 1 – прорисовка нашивных украшений; 2 – прорисовка орнамента вышивки

Fig. 12. Konovalovka burial ground, headdress from burial 25: 1 – drawing of sewn-on ornaments; 2 – drawing of the embroidery ornament

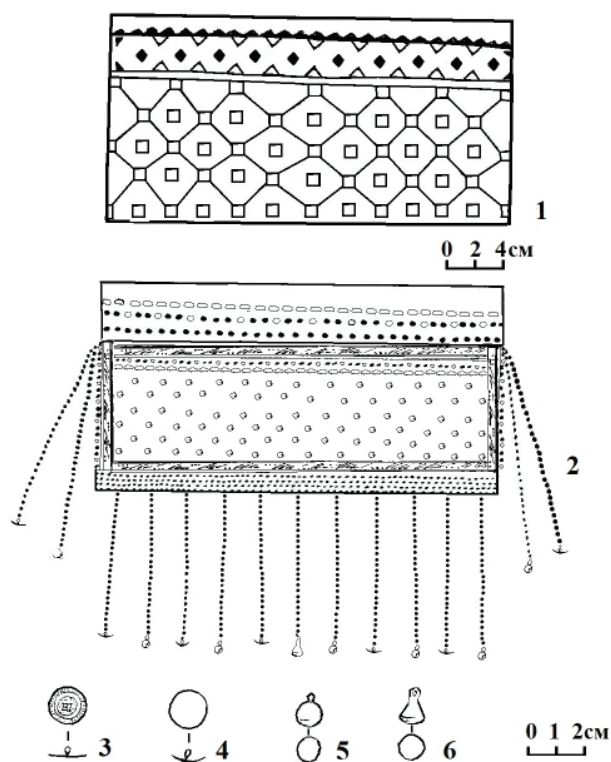

Рис. 13. Конаваловский могильник, погребение 9:

1 – прорисовка орнамента вышивки головного убора; 2 – головной убор; 3-6 – подвески к головному убору

Fig. 13. Konovalovka burial ground, burial 9: 1 – drawing of the embroidery ornament of the headdress, 2 – headdress; 3-6 – pendants for the headdress

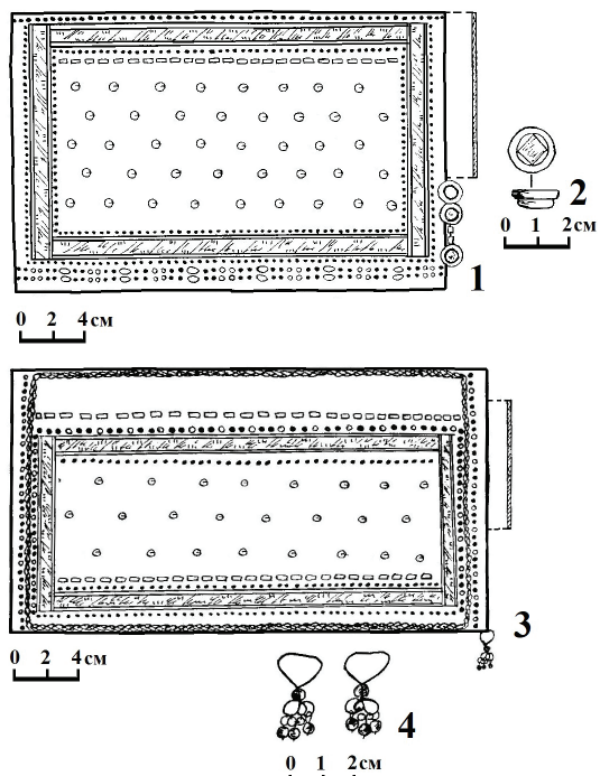

Рис. 14. Конаваловский могильник, головные уборы: 1, 2 – погребение 26, 3, 4 – погребение 30

Fig. 14. Konovalovka burial ground, headdresses: 1, 2 – burial 26; 3, 4 – burial 30

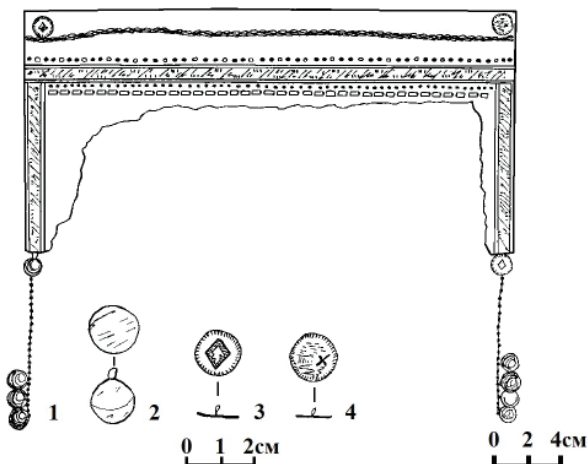

Рис. 15. Конаваловский могильник, погребение 60: 1 – головной убор, 2-4 – подвески к головному убору

Fig. 15. Konovalovka burial ground, burial 60: 1 – headdress, 2-4 – pendants for the headdress

не нарушая общей гармонии, а наоборот – с большим вкусом, тактом, подчеркивая колорит, создавая в нем нужные оттенки и игру красок» (Крюкова, 1966, с. 28). Выполняя декоративную функцию, орнамент головного

убора служил оберегом для владелицы и сообщал определенную социальную информацию.

Форма головного убора мордвы, как, впрочем, самого костюма и его украшений, довольно консервативна. Она меньше подвер-

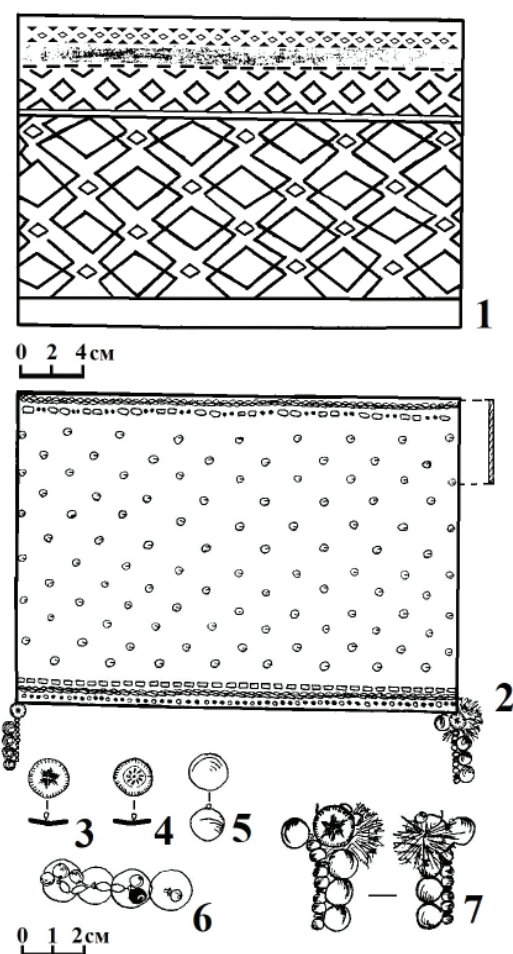

Рис. 16. Головной убор из погребения 78 Коноваловского могильника: 1 – прорисовка орнамента вышивки; 2 – прорисовка нашивных украшений; 3–7 – подвески к головному убору

Fig. 16. Headdress from burial No. 78 of the Konovalovka burial ground: 1 – drawing of the embroidery ornament; 2 – drawing of sewn-on decorations; 3–7 – pendants for the headdress

жена изменениям, чем материалы, используемые при его создании. С течением времени и возникновением новых технологий украшения упрощается, уменьшается поле вышивки. По этой причине аналогий уборам из Коноваловки в этнографических материалах

Примечания:

¹ Вертелимский (Старошайговский район Республики Мордовия), Коринский (Шатковский район Нижегородской области), Лобаски (Ичалковский район РМ).

² Анютинский (Ардатовский район РМ), Ардатовский (Дубенский район РМ), Атяшевский (Большеберезняковский район РМ), Ачадовский (Зубово-Полянский район РМ), Беловодский (Карсунский район Ульяновской области), Кельгининский (Зубово-Полянский район РМ), Нароватовский (Теньгушевский район РМ), Русско-Маскинский (Ельниковский район РМ), Рузлатский (Лопатинский район Пензенская область), Рыбкинский (Ковылкинский район РМ), Сарлейский (Дальнеконстантиновский район Нижегородская область), Тотторшевский (Ардатовский район Нижегородская область), Мордовско-Паркинский (Краснослободской район РМ), Паевский (Кадошкинский район РМ).

не найдено. Ближе всего им по форме клабук XIX в. из Городищенского уезда Пензенской губернии.

В целом можно отметить, что головные уборы эрзи отличает твердая основа, наличие плотной ковровой вышивки, обилие нашивных украшений и подвесок. При украшении убора большое внимание уделяется сочетанию элементов орнамента вышивки и нашивных украшений.

Таким образом, в могильниках мордвы позднего средневековья наиболее широко представлены женские головные уборы. Чаше в составе костюма с убором присутствует сьлгма. Конструкция убора маркирует социальный статус. Женские уборы, в отличие от девичьих, имели более сложную закрытую конструкцию. Головные уборы обозначали принадлежность к определенной этнической и территориальной группе. Мокшанские и эрзянские уборы имели существенные различия по форме и конструкции. Накосник мокши «пулокерь» отличается жёсткая деревянная конструкция. Внутри он имел деревянный, реже – железный стержень. Футляр накосника расширялся к одному или к обоим концам. Позднее «пулокерь» трансформировался в хвост, «лопасть» убора. Головные уборы эрзи изготовлены на мягкой основе с использованием луба. Они практически всегда имели в нижней части «лопасть», спускающуюся вниз и закрывающую волосы. Эрзянские уборы расшивались плотной ковровой вышивкой, нашивными элементами и подвесками. Нашивные украшения вписывались в орнамент вышивки, органично дополняя ее ритм.

В целом можно отметить, что головные уборы в поздне-средневековых могильниках мордвы имеют сложный принцип изготовления и обилие украшений, сообщая нам о многоплановой смысловой и социальной нагрузке, которое им придавало мордовское население.

³ Налитовский (Дубенский район Республики Мордовия), Старо-Яблонский (Саратовская область), Шелехметский (Волжский район Самарская область).

⁴ Коноваловский (Борский район Самарская область).

⁵ Адашевский (Инсарский район РМ), Больше-Макателемский (Первомайский район Нижегородская область), Бутский (Пензенская область), Дегилевский (Большеберезняковский район РМ), Ново-Пырменский (Кочкуровский район РМ), Привольевский (Краснослободской район РМ), Ревезенский (Перевозский район Нижегородская область), Сучкинский 2 (Саратовская область), Торжок (Вознесенский район Нижегородская область), Черемисский (Ковылкинский район РМ).

⁶ Коричневый цвет получался с помощью морены красильной – многолетнего травянистого растения с горизонтальным корневищем и разветвлёнными побегами высотой 1,5–2 м, ее корни содержат красящее вещество.

⁷ Адашевский (Степанов, 1940), Ачадовский (Вихляев, 1985), Бутский (Алихова, 1927), Вертелимский (Циркин, 1965), Кельгининский (Циркин, 1966; Вихляев, 1994–1996), Лобаски (Степанов, 1941), Мордовско-Паркинский (Акимов, 1991), Паевский (Степанов, 1940; Акимова, 1951), Привольевский (Жиганов, 1958), Рыбкинский (Спицын, 1892), Старо-Яблонский (Радищев, 1914) и Сучкинский 2 (Арзютов, 1929).

⁸ Орнаментальные мотивы прослежены по уборам из погребений 9, 25, 32, 61 и 78.

⁹ Исключение – убор из погребения 25, где все пространство очелья заполнено горизонтальными полосами вышивки с различным орнаментом

¹⁰ Погребения №№ 9, 25 (на пуло), 26, 30, 32, 60

Приложение 1

Список могильников к «Карте месторасположения позднесредневековых могильников мордвы с находками накосника пулокерь»

Appendix 1

List of burial grounds for the "Map of the location of the Mordovian late medieval burial grounds with the finds of the hair ornament puloker"

1. Адашевский
2. Ачадовский
3. Бутский
4. Вертелимский
5. Кельгининский
6. Мордовско-Паркинский
7. Паевский
8. Привольевский
9. Рыбкинский
10. Сучкинский 2

ЛИТЕРАТУРА

Акимов Н.А. Археологические исследования Мордовско-Паркинского могильника в Краснослободском районе Мордовской АССР. Саранск, 1991. 86 с. // Архив Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева.

Акимова М.С. Отчет об археологических раскопках в Мордовской и Марийской АССР в 1951 году. М., 1951 // Архив ИА РАН. Р-1, № 635.

Алихова А.Е. Краткий отчет о раскопках Бутского мокшанского могильника 17-18 вв. на Просвирниной горе близ г. Наровчата Пензенской губернии в июле 1927 года // Отчет о разведках и раскопках Палеонтологической лаборатории Антропологического института при ИМГУ в ЦПО. Л., 1927. // Архив ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 113.

Алихова А.Е. Из истории мордвы конца I – начала II тыс. н.э. // Из древней и средневековой истории мордовского народа / Археологический сборник. Т. 2 / Отв. ред. А.П. Смирнов. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1959. С. 13–54.

Арзютов И.К. Мордва 17-18 вв. (по археологической коллекции Нижне-Волжского краевого музея) // Сборник Нижневолжского краевого музея / Ред. П. Рыков. Саратов: Огиз РСФСР. Н.-Волж. краев. изд-во, 1932. С. 32–56.

Вихляев В.И. Отчет об археологических исследованиях зоны оросительно-осушительной системы «Заря» Zubovo-Полянского района Мордовской АССР в 1985. Саранск, 1985. 127 с. // Архив Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева.

Вихляев В.И. Сводный отчет по проекту К 0014 «Наследие предков (аварийные археологические работы на Кельгининском могильнике в Zubovo-Полянском районе Республики Мордовия)». Этап 2001 г. Саранск, 2001. // Архив Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева.

Воронина Р.Ф. Средне-цинская мордва VIII-XI вв. Дисс. ... канд. истор. наук. М., 1991. 218 с.

Горюнова Е.И. Коринский могильник // Археологический сборник. Т. 1 / Под общ. ред. Ю.В. Готье [и др.]. Саранск : Мордов. гос. изд-во, 1948. С. 48–87.

Горюнова Е.И. Сарлейский могильник // Археологический сборник. Т. 1/ Под общ. ред. Ю.В. Готье [и др.]. Саранск : Мордов. гос. изд-во, 1948а. С. 6–47.

Жиганов М.Ф. Отчет о работе Мордовской разведочной экспедиции в бассейне р. Мокша в октябре 1958 г. Саранск, 1958 // Архив НИИГН. Д. И-408.

Зеленцова О.В. Хронология и периодизация среднецинских могильников древней мордвы. Автореф. Дисс. ... канд. истор. наук. Саранск, 1998. 18 с.

Каминский А. Краткий очерк быта и состояния крестьян Самарской удельной дачи // Архив РГО. СПб. Р. 34. Оп. 1. № 22.

Козлова Т.А. Традиционные головные уборы мордвы (по материалам мордовского фольклора) // Вестник Костромского государственного университета имени Н.А. Некрасова. 2013. Т. 19. №. 3 С. 31–32.

Корнишина Г.А. Традиционные обряды детского цикла у мордвы // Родины, дети, повитухи в традициях народной культуры / Сост. Е.А. Белоусова. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2001. С. 80–89.

Корнишина Г.А. Традиционно-обрядовая культура мордвы. Саранск: Мордовский ун-т, 2007. 122 с.

Крюкова Т.А. Мордовское народное изобразительное искусство. Саранск: Кн. изд-во, 1966. 121 с.

Мельников-Печерский П.И. (Андрей Печерский). Очерки Мордвы. Саранск: Мордовское книжное издательство, 1981. 134 с.

Малкова Н.М. Эволюция мокшанского накушника пулокерь // Вопросы археологии Урала и Поволжья / Ред. Г.И. Матвеева, В.А. Скарбовенко, Д.А. Сташенков. Самара: Самарский университет, 1999. С. 216–233.

Малкова Н.М. Погребальный обряд и инвентарь могильников эрзи и мокши XVI - начала XIX вв. дисс. ... канд. ист. наук. Самара, 2000. 330 с.

Малкова Н.М. Отчёт о раскопках Коноваловского I грунтового могильника в Борском районе Самарской области. Т. 1. Самара. 2000а. 620 с. // Архив науч.- исслед. лаборатории СНИУ.

Малкова Н.М. Шелехметский I грунтовой могильник на Самарской Луке // Средневековье. Великое переселение народов (по материалам археологических памятников Самарской области) / Отв. ред. А.В. Богачев. Самара: Самарское археологическое общество, 2013. С. 299–332.

Малкова Н.М. Мордва на территории Самарского края в эпоху Золотой Орды (XIII-XIV вв.) // Мордва Самарского края: история и традиционная культура / отв. ред. Н.М. Малкова. Самара: Слово, 2021. С. 37–51.

Малкова Н.М. Погребальные памятники мордвы XVI – начала XIX вв. // Позднее средневековье (середина XV–XVII вв.) / Археология Волго-Уралья. Т. 7 / под общ. ред. А.Г. Ситдикова; отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: АН РТ, 2022. С. 402–427.

Малкова Н.М., Мишина М.Ю. Головные уборы мордвы-эрзи середины - начала XIX вв. по материалам раскопок Коноваловского I грунтового могильника) // Материалы XXX Урало-Поволжской археологической конференции молодых ученых (Самара, 3–5 февраля 1998). Самара: СГПУ, 1998. С. 148–150.

Мокшин Н.Ф. Религиозные верования мордвы. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1998. 244 с.

Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. Ч. 1. Кн. 2. СПб : Печатано при Императорской Академии Наук, 1773. 117 с.

Полесских М.Р. Отчет об археологических исследованиях 1958 года в Пензенской области. Пенза, 1958. // Архив научно-исслед. лаборатории СНИУ.

Радищев М. Старо-Яблонский могильник // Труды Саратовской Ученой архивной комиссии. Вып. 31. Саратов: Типография Союза Печатного дела, 1914. С. 145–147.

Спицын А.А. Отчет о раскопках Рыбкинского могильника СПб., 1892 // Архив ИИМК РАН. Ф.1. Д. 94.

Спрыгина Н.И. Одежда мордвы Краснослободского и Беднодемьяновского уездов Пензенской губернии (по материалам экспедиции 1925 года). Пенза: Мысль печатника, 1925. 46 с.

Степанов П.Д. Отчет о работе археологической разведочной экспедиции летом 1940 г. По рекам Мокше и Иссе. Саранск, 1940 // Архив НИИГН. Д. И-63.

Степанов П.Д. Дневник археологических разведок в Ардатовском районе Мордовской АССР 1941 г. Саранск, 1941 // Архив НИИГН. Д. И-136.

Шитов В.Н. Отчет о раскопках Нароватовского могильника. Саранск, 1995. 120 с. // Архив Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева.

Циркин А.В. Отчет о раскопках Вертилимского могильника. Саранск, 1965 // Архив Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева. 42 с.

Циркин А.В. Отчет о раскопках Кельгининского могильника. Саранск, 1966. 36 с. // Архив Мордовского Национального исследовательского государственного университета им. Н.П. Огарева. И-1011

Информация об авторе:

Малкова Наталья Михайловна, кандидат исторических наук, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); Центральный государственный архив Самарской области (г. Самара, Россия); flower_nataly@mail.ru

REFERENCES

Akimov, N. A. 1991. *Arkheologicheskie issledovaniya Mordovsko-Parkinskogo mogil'nika v Krasnoslobodskom rayone Mordovskoy ASSR (Archaeological studies of the Mordovskiye Parki burial ground in the Krasnoslobods district of the Mordovian Autonomous Soviet Socialist Republic)*. Saransk. Archive of the National Research Mordovian State University named after N.P. Ogarev (in Russian).

Akimova, M. S. 1951. *Otchet ob arkheologicheskikh raskopkakh v Mordovskoy i Mariyskoy ASSR v 1951 godu (Report on archaeological excavations in the Mordovian ASSR and Mari ASSR in 1951)*. Moscow. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, inv. R-1, dossier 635 (in Russian).

Alikhova, A. E. 1927. In *Otchet o razvedkakh i raskopkakh Paleontologicheskoy laboratorii Antropologicheskogo instituta pri IMGU v TsPO (Report on survey works and excavations of the Paleontological Laboratory of the Anthropological Institute at the I Moscow State University in the Central Industrial Region)*. Leningrad. Archive of the Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences. F. 2, inv. 1, dossier 113 (in Russian).

Alikhova, A. E. 1959. In Smirnov, A. P. (ed.). *Iz drevnei i srednevekovoi istorii mordovskogo naroda (Essays on Ancient and Medieval History of the Mordva People)*. Series: *Arkheologicheskii sbornik (Archaeological Collection)* 2. Saransk: Mordovian Book Publ., 13–54 (in Russian).

Arzyutov, I. K. 1932. In Rykov, P. (ed.). *Sbornik Nizhnevolzhskogo kraevogo muzeya (Collection of the Nizhnevolzhsky Museum of Regional Studies)*. Saratov: "OGIZ" Publ., 32–56 (in Russian).

Vikhlyayev, V. I. 1985. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh zony orositel'no-osushitel'noy sistemy «Zarya» Zubovo-Polyanskogo rayona Mordovskoy ASSR v 1985 (Report on archaeological investigations of the "Zarya" irrigation-drainage system area in the Zubova Polyana district of the Mordovian ASSR in 1985)*. Archive of the National Research Mordovian State University named after N.P. Ogarev (in Russian).

Vikhlyayev, V. I. 2001. *Svodnyy otchet po projektu K 0014 «Nasledie predkov (avariynye arkheologicheskie raboty na Kel'gininskom mogil'nike v Zubovo-Polyanskom rayone Respubliki Mordoviya)». Etap 2001 g. (Final report on the project K 0014 "Heritage of ancestors (salvage excavations at the Kelginino burial ground in the Zubova Polyana district of the Republic of Mordovia)". 2001 Stage)*. Archive of the National Research Mordovian State University named after N.P. Ogarev (in Russian).

Voronina, R. F. 1991. *Sredne-tsninskaya mordva VIII-XI vv. (Middle Tsna Mordvians of the VIII-XI centuries)*. Diss. of Candidate of Historical Sciences. Saransk (in Russian).

Goryunova E.I. 1948. In Got'e, Yu. V. et al. (eds.). *Arkheologicheskii sbornik (Archaeological Collection of Papers)* 1. Saransk: "Mordov. gos. izd-vo" Publ., 48–87 (in Russian).

1948. In Got'e, Yu. V. et al. (eds.). *Arkheologicheskii sbornik (Archaeological Collection of Papers)* 1. Saransk: "Mordov. gos. izd-vo" Publ., 6–47 (in Russian).

Zhiganov, M. F. 1958. *Otchet o rabote Mordovskoy razvedochnoy ekspeditsii v bassejne r. Moksha v oktyabre 1958 g (Report on the work of the Mordovian prospecting expedition in the basin of the Moksha River*

in October 1958). Saransk. Archive of the Scientific Research Institute of Humanities under the Government of the Republic of Mordovia. Dossier И-408 (in Russian).

Zelentsova, O. V. 1998. *Khronologiya i periodizatsiya srednetsninskikh mogil'nikov drevney mordvy* (Chronology and periodization of the Middle Tsna burial grounds of the ancient Mordovians). Thesis of Diss. of Candidate of Historical Sciences. Saransk (in Russian).

Kaminsky, A. 1854. *Kratkiy ocherk byta i sostoyaniya krest'yan Samarskoy udel'noy dachi* (Brief outline of the way of life and condition of peasants on the Samara Udel'naya Dacha). Archive of the Russian Geographical Society. R- 34, inv. 1, dossier 22 (in Russian).

Kozlova, T. A. 2013. In *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta imeni N.A. Nekrasova* (Bulletin of the Kostroma State University named after N.A. Nekrasov) 19 (3), 31–32 (in Russian).

Kornishina, G. A. 2001. In Belousova, E. A. (comp.). *Rodiny, deti, povitukhi v traditsiyakh narodnoy kul'tury* (Motherland, children, lay midwives in the traditions of folk culture). Moscow: Russian State University for the Humanities, 80–89 (in Russian).

Kornishina, G. A. 2007. *Traditsionno-obryadovaya kul'tura mordvy* (Traditional ritual culture of the Mordovians). Saransk: Mordovian State University (in Russian).

Kryukova, T. A. 1966. *Mordovskoe narodnoe izobrazitel'noe iskusstvo* (Mordovian folk art). Saransk: “Knizhnoe izdatel'stvo” Publ. (in Russian).

Mel'nikov-Pecherskiy, P. I. (Andei Pecherskiy). 1981. *Ocherki Mordvy* (Essays on the Mordva). Saransk: “Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo” Publ. (in Russian).

Malkova, N. M. 1999. In Matveeva, G. I., Skarbovenko, V. A., Stashenkov, D. A. (eds.). *Voprosy arkheologii Urala i Povolzh'ya* (Issues of Archaeology of the Urals and the Volga Region). Samara: Samara State University, 216–233 (in Russian).

Malkova, N. M. 2000. *Pogrebal'nyi obriad i inventar' mogil'nikov erzi i mokshi XVI - nachala XIX vv* (The Funeral Rite and Inventory of the Erzi and Moksha Burial Grounds of the 16th – Early 19th Centuries.). Diss. of Candidate of historical sciences. Samara (in Russian).

Malkova, N. M. 2000. *Otchet o raskopkakh Konovalovskogo I gruntovogo mogil'nika v Borskom rayone Samarskoy oblasti* (Report on the excavations of the Konovalovka I ground burial ground in the Borskoye district of the Samara region) Vol. 1. Samara. Archive of the Scientific Research Laboratory of Samara National Research University (in Russian).

Malkova, N. M. 2013. In Bogachev, A. V. (ed.). *Srednevekov'e. Velikoe pereselenie narodov (po materialam arkheologicheskikh pamyatnikov Samarskoi oblasti)* (The Middle Ages. The Great Migration of Peoples (according to the archaeological sites of Samara region)). Samara: “Samara Archaeological Society”, 299–332 (in Russian).

Malkova, N. M. 2021. In Malkova, N. M. (ed.). *Mordva Samarskogo kraya: istoriya i traditsionnaya kul'tura* (Mordovia of the Samara Region: history and traditional culture). Samara: “Slovo” Publ., 37–51 (in Russian).

Malkova, N. M. 2022. In Sitdikov, A. G., Khuzin, F. Sh. (eds.). *Pozdnee srednevekov'e (seredina XV–XVII vv.)* (Late Middle Ages (mid XV–XVII centuries)). Series: *Arkheologiya Volgo-Uralia* (Archaeology of the Volga-Urals) Vol. 7. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences, 402–427 (in Russian).

Malkova, N. M., Mishina, M. Yu. 1998. In *Materialy XXX Uralo-Povolzhskoy arkheologicheskoy konferentsii molodykh uchenykh (Samara, 3–5 fevralya 1998)* (Proceedings of the XXX Ural-Volga Archaeological Conference of Young Scientists (Samara, February 3–5, 1998)). Samara: Samara State Pedagogical University, 148–150 (in Russian).

Mokshin, N. F. 1998. *Religioznye verovaniya mordvy* (Religious beliefs of the Mordovians). Saransk: “Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo” Publ. (in Russian).

Pallas, P. S. 1773. *Puteshestvie po raznym provintsiiam Rossiiskoi imperii* (Traveling across Various Provinces of the Russian Empire). Part 1. Saint Petersburg: Typography of the Imperial Academy of Sciences (in Russian).

Polesskikh, M. R. 1958. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh 1958 goda v Penzenskoy oblasti* (Report on archaeological studies in the Penza region in 1958). Penza. Archive of the Scientific Research Laboratory of Samara National Research University (in Russian).

Radishchev, M. 1914. In *Trudy Saratovskoi uchenoi arkhivnoi komissii* (Proceedings of Saratov Scientific Archive Commission) 31. Saratov: “Soiuz Pechatnogo Dela” Publ., 145–472 (in Russian).

Spitsyn, A. A. 1892. *Otchet o raskopkakh Rybkinskogo mogil'nika* (Report on the excavations of the Rybkino burial ground). Saint Petersburg. Archive of the Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences. F. 1, dossier 94 (in Russian).

Sprygina, N. I. 1925. *Odezhda mordvy Krasnoslobodskogo i Bednodem'yanovskogo uezdov Penzen-skoj gubernii (po materialam ekspeditsii 1925 goda)* (Clothing of the Mordovians of the Krasnoslobodsky and Bednodemyanovsk districts of the Penza Governorate (based on the materials of the 1925 expedition)). Penza: "Mysl' pechatnika" Publ. (in Russian).

Stepanov, P. D. 1940. *Otchet o rabote arkheologicheskoy razvedochnoy ekspeditsii letom 1940 g. Po rekam Mokshe i Isse* (Report on the work of the archaeological prospecting expedition in the summer of 1940). Saransk. Archive of the Scientific Research Institute of Humanities under the Government of the Republic of Mordovia. Dossier И-63 (in Russian).

Stepanov, P. D. 1941. *Dnevnik arkheologicheskikh razvedok v Ardatovskom rayone Mordovskoy ASSR 1941 g.* (Notebook of archaeological prospectings in the Ardatov district of the Mordovian Autonomous Soviet Socialist Republic in 1941). Saransk. Archive of the Scientific Research Institute of Humanities under the Government of the Republic of Mordovia. Dossier И-136 (in Russian).

Shitov, V. N. 1995. *Otchet o raskopkakh Narovatovskogo mogil'nika* (Report on the excavations at the Narovatovo burial ground). Saransk. Archive of the National Research Mordovian State University named after N.P. Ogarev (in Russian).

Tsirkin, A. V. 1965. *Otchet o raskopkakh Vertilimskogo mogil'nika* (Report on the excavations at the Vertilim burial ground). Saransk. Archive of the National Research Mordovian State University named after N.P. Ogarev, dossier И-988 (in Russian).

Tsirkin, A. V. 1966. *Otchet o raskopkakh Kel'gininskogo mogil'nika* (Report on the excavations at the Kelginino burial ground). Saransk. Archive of the National Research Mordovian State University named after N.P. Ogarev, dossier И-1011 (in Russian).

About the Author:

Malkova Natalia M., Candidate of Historical Sciences, Institute of Archaeology named after A.Kh. Kalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; The Central State Archive of the Samara region. Michurin, 58, litera AA1A2, Samara, 443096, Russian Federation; flower_nataly@mail.ru

Статья поступила в журнал 18.12.2024 г.
Статья принята к публикации 07.07.2025 г.